Russian Titles for the Specialist No. 155

Семенъ Юшкевичъ.

ЖАЛОСТЬ.

S. Yushkevich

PITY

PRIDEAUX PRESS
LETCHWORTH HERTS ENGLAND

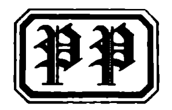
Russian Titles for the Specialist No. 155

Семенъ Юшкевичъ.

ЖАЛОСТЬ.

S. Yushkevich

PITY

PRIDEAUX PRESS
LETCHWORTH HERTS ENGLAND

ISSN 0305-3741

First published in
St Petersburg 1905

This edition first
published 1978

Printed and bound in England by
O & O Agency
P.O.Box 1
Letchworth, Herts.

ЖАЛОСТЬ.

(1903)

Когда наступали сумерки и всѣ предметы принимали странныя и незнакомыя формы отъ уродовавшихъ ихъ тѣней, еврейка-одиночка, по уличному—Лиза, надѣвала свой нарочито несложный костюмъ и выходила изъ дому. Проходя по длинному грязному двору, заселенному бѣдняками, она заглядывала въ каждое открытое окно, и оттого, что видѣла въ нихъ людей, занятыхъ не тѣмъ, чтобы пойти на улицу продаваться, чувствовала себя въ чемъ-то виноватой. Но лишь только она переступала низенькую калитку и попадала въ темную улицу, человѣческія чувства тотчасъ же покидали ее, и она принималась за свое ремесло. Она складывала руки такъ, какъ будто имъ было холодно, и она хотѣла спрятать ихъ въ рукавахъ, откидывала плечи назадъ, чтобы лучше обрисовать грудь, и ходила медленными шагами, поводя боками и безпрестанно оглядываясь по сторонамъ. Тамъ, гдѣ Лиза ходила, улица была очень оживленная и, начиная съ сумерекъ до глубокой ночи, не прекращалось движеніе. Тротуаръ тутъ былъ очень узкій, люди мѣшали другъ другу расходиться, и Лиза въ своей яркой шляпѣ и ищущими глазами какъ будто была началомъ движенія и управляла имъ. Она была одна въ этомъ полурабочемъ квар-

талѣ и невольно обращала на себя вниманіе. Что-то безпокоившее всѣхъ лежало въ этой женщинѣ, смѣло выбиравшей среди толпы мужчинъ; и это безпокоившее было то, что она могла свободно въ каждую минуту получить самое большое наслажденіе, и что всякій, если бы пожелалъ, могъ имѣть ее своей. Она шла, занятая своимъ ремесломъ, а на улицѣ всѣ тайно завидовали ей. Совсѣмъ молоденькія дѣвушки, уже тронутыя городомъ и его развратомъ, слѣдили за ней съ любопытствомъ и, нарочно замѣшкавшись, подстерегали моментъ, когда Лиза уводила мужчину, а возвращавшіяся съ фабрики работницы, изнывавшія отъ труда и нищеты, желали видѣть себя на ея мѣстѣ. Мужчины всѣ, какіе были на улицѣ, и старые и молодые, занятые и свободные, тайно мечтали о ней, когда она называла ихъ миленькими и звала къ себѣ. Точно она носила въ своей фигурѣ, на своемъ лицѣ что-то веселящее, бодрящее, и каждому щедрой рукой отдавала его. Одна лишь мысль, что можно взять дѣвушку и сдѣлать съ ней что угодно, сгоняла съ души бремя жизни и дѣлала ее на мигъ легкой и радостной. И всѣ испытывали одно и то же. Юноши трепетали и словно обжигались, когда она дотрогивалась до нихъ руками, женатые трепетали отъ знакомаго искушенія и соблазнительныхъ картинъ холостой жизни, а серьезные старики, невинные и важные въ своихъ бѣлыхъ бородахъ, замедляли шаги, чтобы подольше насладиться мигомъ возможности. А она, точно побывала уже въ сердцѣ у каждаго и знала ихъ тайныя желанія, разсыпала обаятельныя, обѣщавшія счастье слова и, поводя бедрами и оглядываясь, смѣло, съ поднятой головой, шла впередъ-назадъ, впередъ-назадъ... Но глубокой ночью оживленіе, растраченное на толпу, покидало ее. Пропадали люди, уходившіе на ночь по своимъ квартирамъ, закрывались лавки, ставни въ окнахъ, исчезалъ свѣтъ, и она оставалась одна въ длинной и темной улицѣ, съ

потушенными фонарями, молчаливыми деревьями и холодными стѣнами домовъ. И тогда, никому невидное человѣческое, что она носила въ себѣ, опять вспыхивало. И она ходила уже съ дрожавшими отъ усталости ногами, не думала больше о своихъ бедрахъ и груди, ходила, какъ уставшій мученикъ, и часто взглядывала на звѣзды, какъ бы спрашивая у нихъ: скоро ли?..

Въ той длинной и узкой улицѣ, гдѣ жила Лиза, провалилась мостовая, и цѣлый мѣсяцъ, какъ послѣ землетрясенія, расшатанные камни и покривившаяся земля лежали на днѣ огромной ямы, похожей на высохшій прудъ, и люди боялись ходить тамъ... Съ обоихъ концовъ улицу загородили веревками, проѣздъ былъ уничтоженъ, и въ ней надолго наступила странная тишина. Поздно ночью улица казалась особенно угрюмой, а Лиза какъ будто стерегла ее. Оттого, что мостовая провалилась, на улицѣ стало еще тѣснѣе, и всѣ предметы, живые и неодушевленные, какъ будто стали одними. Деревья, ручныя телѣжки, лотки, выступы домовъ, телеграфные столбы—всѣ сдѣлались какъ бы живыми и участвовали въ тѣснотѣ и движеніи. Лиза развлекалась новымъ видомъ улицы до того дня, какъ явились люди и стали поправлять мостовую. Въ нѣсколько дней камни были извлечены со дна ямы, потомъ выбросили грязный и непріятный для глаза верхній слой земли, и тогда лишь показалась чистая желтая глина, которую рабочіе въ три смѣны рукъ выбрасывали наверхъ. Яма получила форму большой просторной могилы, и Лиза часто поздно ночью подолгу простаивала подлѣ нея.

— Нисколько не страшно,—думалось ей, и она удивлялась, какъ чисто и спокойно внизу. Хотѣла бы уже лежать тамъ.

И что-то ясное входило въ ея душу, ясное и разрѣшенное, и не страшнымъ казалось то, что сейчасъ нужно взяться за ремесло...

Въ этотъ туманный бѣлый вечеръ Лиза поздно вышла изъ дому. День она, по обыкновенію, провела въ семьѣ лавочника Моисея Быка, и Быкъ ее такъ измучилъ своими разговорами, что, вернувшись къ себѣ, она до глубокой ночи проплакала. На улицѣ было спокойно подъ туманомъ, и свѣтъ въ окнахъ свадебнаго зала казался ненужнымъ и некстати. Какъ будто музыка неслась оттуда, такъ какъ стекла слышно гудѣли. И гудѣли въ тактъ нашумѣвшей пѣсенки:

Па д'Эспань—это танецъ хорошій.
Онъ танцуется очень легко.

Лиза поглядѣла на окна, на нарядныя тѣни людей въ нихъ и приготовилась ходить. Изъ-за угла показался мужчина съ палкой въ рукѣ и поднятымъ воротникомъ—и внимательно осмотрѣлся. Лиза тихо позвала его, и когда оба уходили скорыми шагами, то казалось, что онъ тащилъ ее, а она не хотѣла. Потомъ она опять показалась на улицѣ, и лицо у нея было скучное и унылое. Туманъ уже поднялся выше, стоялъ надъ домами, и въ немъ, густо насыпанныя, дрожали звѣзды. Съ конца улицы шелъ смѣшанный говоръ людей, и отвратительными показались ей эти здоровые голоса мужчинъ, которыхъ она знала только въ одномъ гадкомъ видѣ: жадныхъ до тѣла, безъ верхней одежды, волосатыхъ... Она обошла яму, чтобы спрятаться отъ нихъ, взобралась на горку и заглянула внизъ. Ничего не было видно, и яма, словно большой ротъ, дышала на нее сыростью.

— Конечно,—подумала она, вспоминая то, чему поучалъ ее Моисей и соглашаясь, — человѣкъ былъ землей, земля будетъ человѣкомъ,—все одинаково.

Она чуть не заплакала отъ этой мысли, такой жалкой показалась ей судьба человѣка. Изъ свадебнаго зала донеслась музыка: то раскрыли форточки въ немъ. И звуки сердито разносились по улицѣ и какъ будто будили тѣхъ, кто спалъ въ сосѣднихъ домахъ, чтобы поспѣшить насладиться уходящей жизнью. Флейта настойчиво свистѣла, а барабанъ послѣ каждой строфы точно прибивалъ къ чему-то эти звуки, чтобы они дольше держались. Какъ видѣнія, скользили тѣни людей въ окнахъ, кружились, кланялись, поднимали руки, и было похоже, будто они кого-то умоляютъ, чтобы звуки никогда не пропадали. Лиза стояла уже поднявъ голову и растерянно оглядывалась.

— Земля будетъ человѣкомъ,—подумала она, слушая музыку,—и земля, на которой я стою, станетъ, какъ я, какъ они...

Она всплеснула руками отъ отчаянія, и, точно кто-то сломалъ ей ноги, опустилась на землю и крѣпко прижалась къ чистой глинѣ, которой уже коснулась рука человѣка.

— Какъ я, какъ они...

Форточка закрылась, и въ щели, въ тактъ съ дрожаніемъ стеколъ, флейта тихо кричала, звала, а барабанъ пригвождалъ звуки.

Семья Моисея Быка была въ кварталѣ единственной, гдѣ Лиза проводила свободное время днемъ, когда отдыхала отъ ремесла, вечеромъ въ стужу, или чтобы разсѣять тоску. Моисей, сорокалѣтній мужчина, некрасивый, бородатый, стыдливый, какъ дѣвушка, рѣдко разговаривалъ съ нею. А когда заговаривалъ, часто было такъ, что они одни понимали другъ друга, и она всегда плакала отъ его рѣчей. Они говорили о Богѣ, о судьбѣ, о человѣкѣ, о томъ, что есть жизнь, а Сима, жена его, ничего не понимавшая въ ихъ разговорахъ,

слушала обоихъ, подперевъ руками подбородокъ и вперивъ глаза въ пространство. То, что Лиза была проституткою, считалось такимъ неважнымъ, что Моисей и Сима, не заглядывая дальше своихъ словъ, спрашивали у нея о дѣлахъ, точно у нея была лавка и въ бойкомъ мѣстѣ. И Лиза интересовалась ихъ дѣлами, ихъ дѣтьми, возилась съ ними и, подобно Симѣ, ожидала Богъ вѣсть какого счастья отъ старшаго мальчика, котораго начали учить игрѣ на скрипкѣ. Когда Сима купила билетъ Лейпцигской лоттереи — Моисей совершенно не занимался дѣлами, — она предложила Лизѣ войти въ долю, и всѣ втроемъ часто мечтали о томъ, что каждый сдѣлаетъ, если билетъ выиграетъ нѣсколько тысячъ.

— Вотъ,—спрашивала Сима, обращаясь къ Лизѣ,— что ты сдѣлаешь съ деньгами?

— Буду отдыхать,—отвѣчала Лиза, запинаясь, – и... плакать, только плакать.

— Почему?—отзывался Моисей своимъ равнодушнымъ голосомъ.

— Надъ человѣкомъ, когда есть только время, нужно плакать и плакать.

— А я,—смѣялся Моисей,—буду говорить. Думать и говорить то, что думаю. Это будетъ великолѣпно. Сорокъ лѣтъ, какъ я мечтаю имѣть хоть полгода свободныхъ, чтобы высказать все, что у меня въ головѣ.

А добродушная Сима, прислушиваясь къ своимъ словамъ и вперивъ свои большіе, ничего не говорящіе глаза въ пространство, вставляла:

— Всѣхъ дѣтей буду учить играть.

Въ сосѣдней комнатѣ сынокъ трудился надъ гаммою, и хотя звуки отъ скрипки были некрасивы и злы, они казались ей зовомъ къ блаженству.

И Лиза благоговѣйно прислушивалась къ нимъ.

Весь тотъ день Лиза провела въ хлопотахъ. Дальняя родственница Быка выходила замужъ, и Лиза съ самаго утра помогала Симѣ. Она убрала комнату, выкупала дѣтей, а Моисей, стыдливый, какъ всегда, глядя на ея заботливость, съ усмѣшкой говорилъ:

— Когда, Лиза, и ты будешь выходить замужъ...

И она, работая, слушала эти равнодушныя слова, медленно мотала головой и своимъ негромкимъ голосомъ возражала:

— А я, Моисей, не жалуюсь, нѣтъ, не жалуюсь. Человѣкъ вѣдь вездѣ достоинъ слезъ.

Сима, съ трудомъ надѣвавшая въ сосѣдней комнатѣ корсетъ, крѣпкимъ голосомъ проговорила:

— Если бы, Лиза, не я была женой Моисея, я бы желала, чтобы ею была ты. Клянусь тебѣ талантомъ моего сыночка.

И всѣ трое засмѣялись отъ этой странной мысли, а у Лизы еще и задрожало сердце.

— Меня,—тихо сказала она, не поднимая глазъ на Моисея, который отвернулся, — одиночество пугаетъ. Иногда, Сима, бываетъ такъ, что я обнимаю стѣну и плачу. Человѣка хотѣла бы, но человѣка нѣтъ. И стѣны бываетъ довольно.

Она сдѣлала талантливому мальчику кудри, поцѣловала его жарко, а Моисей, успѣвшій сходить къ Симѣ помочь ей надѣть огромный, какъ два связанныхъ сѣдла корсетъ, прибавилъ:

— Стѣна часто лучше человѣка.

— Правда,—подхватила Лиза, — я то же самое говорю. Можетъ быть, вы правы, и стѣна была когда-нибудь человѣкомъ. Тогда вѣдь она вся жалость.

— Навѣрное была,—спокойно сказалъ Моисей,—и это такъ же истинно, какъ то, что мы теперь люди. Иногда,—задумчиво прибавилъ онъ, и у Лизы отъ его тона похолодѣла душа, — я смотрю на огонь въ лампѣ, который такъ равнодушно и спокойно горитъ, и говорю

ему: подожди, будетъ время, и я стану горѣть въ лампѣ, а ты войдешь въ составъ человѣка. Тогда я долго тихо смѣюсь. Я доволенъ.

Онъ говорилъ ровнымъ голосомъ, и глаза у него были какъ будто изъ стекла. И только вѣки хлопали, точно были губами и цѣловали что-то.

Лиза уже была въ комнатѣ Симы и помогала ей. Моисей надѣлъ старомодный длинный сюртукъ, расчесалъ бороду и сталъ такимъ некрасивымъ, что казалось удивительнымъ, какъ Сима вышла за него. Потомъ одѣлъ широкій, низкій цилиндръ, который долго гладилъ рукавомъ, и уши, какъ расправленныя крылья, поддерживали его.

— Я хотѣла бы,—сказала Сима, появляясь на порогѣ,—чтобы сыночекъ взялъ скрипку и сыгралъ тамъ передъ гостями. Я думаю, свадьба покажется всѣмъ свѣтлѣе.

Моисей ничего не отвѣтилъ, а Лиза, проводя ихъ до дверей, несмѣло шепнула:

— Вы уходите веселиться, а у меня такъ, будто весь городъ вымеръ, и я одна осталась беречь его.

— Когда, Лиза, ты будешь выходить замужъ,—неизвѣстно для чего произнесла Сима.

— Мы всѣ сторожимъ мертвое,—раздался равнодушный голосъ Моисея.

И онъ вышелъ первымъ.

Вечеромъ, когда казалось, что синева неба потоками льется на землю, а звѣзды какъ будто низко спустились, Лиза поздно освободилась отъ мужчинъ. И когда, наконецъ, ее оставили въ покоѣ, вся улица уже спала крѣпкимъ сномъ, кромѣ свадебнаго зала, гдѣ будто изо дня въ день, годами, сидѣли одинъ и тотъ же женихъ, одна и та же невѣста, а музыка безпрестанно играла веселыя пѣсни. Лиза бросила взглядъ на освѣщенныя окна и поискала среди тѣней фигуру Симы.

— Весело ей тамъ,—подумала она,—а я устала отъ мужчинъ. Но и это жизнь,—успокоила она себя и опять стала ходить.

Оттого, что кругомъ было темно, а изъ оконъ лился свѣтъ на улицу, ей показалось непонятнымъ, почему люди спятъ теперь въ своихъ темныхъ комнатахъ и не спѣшатъ сюда. Изъ-за бугорка земли вдругъ обрисовалась фигура человѣка. Лиза выпрямилась и не своими, а выученными шагами и позой подошла къ нему, но уже на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ узнала его, удивилась и обрадовалась.

— Это вы, Моисей?—проговорила она естественнымъ голосомъ.

— Ну, конечно, я,—отвѣтилъ тотъ.—Никто не стучался въ лавку?

— Никто, я уже полчаса, какъ здѣсь.

Цилиндръ лежалъ у него теперь на затылкѣ, руки онъ держалъ въ карманахъ и былъ совсѣмъ не похожъ на себя. Они стояли вплотную и было такъ, какъ будто онъ ей разсказывалъ тайну, а она внимательно слушала. Неровная горка отдѣляла ихъ отъ ямы, и странно было, что музыка, точно преслѣдуя ихъ, доносилась сюда.

— Вотъ,—произнесла Лиза своимъ робкимъ голосомъ и вскидывая глаза на освѣщенныя окна, — музыка играетъ, люди веселятся, а я такъ падаю отъ усталости. Безъ силъ остаешься, а музыка раздираетъ сердце. Зачѣмъ они играютъ?

— Наверху также устали,—равнодушно отозвался Моисей и тоже поглядѣлъ въ освѣщенныя окна.—И только та разница, что тамъ прыгаютъ, а ты ходишь. Не велика разница,—повторилъ онъ и поглядѣлъ на небо.

— Я не жалуюсь, Моисей, нѣтъ, не жалуюсь. Время вѣдь пролетитъ, и всѣ, кто танцуетъ, веселится, и всѣ, кто плачетъ—скоро успокоются. Но все-же иногда я думаю... мнѣ хочется...

— Чего-жъ тебѣ хочется?—сердито перебилъ онъ ее.

— ...Чтобы кто-нибудь, Моисей, пожалѣлъ меня. И ничего больше. Пожалѣлъ, Моисей! Ходишь, ходишь, мучишься, суетишься,—а вотъ этого нѣтъ. Пожалѣть человѣка, Моисей, нужно...

Она опять говорила несмѣлымъ тономъ, точно Моисей долженъ былъ сейчасъ оборвать ее грубо за эти слова. А онъ стоялъ неловкій, непривѣтливый, жевалъ бороду, и глаза его были неподвижны, какъ изъ дерева.

— Ну, вотъ вы правы, Моисей,—умоляла она,—тамъ прыгаютъ, я хожу, они спятъ съ мужьями, я съ мужчинами, и даже не у кого спросить—почему, для чего? А все-же, Моисей, у меня разрывается сердце отъ музыки, и когда отъ меня уходитъ мужчина и я остаюсь на минуту одна, я, какъ сумасшедшая, кружусь и прыгаю. Я плачу.

— Меня не трогаетъ музыка,—равнодушно отозвался Моисей.

— Васъ ничего не трогаетъ, но такъ высоко я не могу подняться. Хотѣла бы,—но не могу. Я все хорошо понимаю. Быть богачемъ или нищимъ, проституткой или матерью, деревомъ или вотъ этой ямой,—все одинаково. Все мѣняется... Сегодня я проститутка, завтра буду землей, а послѣ завтра, можетъ быть, царицей. И это то же самое, какъ наполнять рѣшето водой и думать, что оно наполнится. Вы правы... Но вотъ, когда мужчины меня измучаютъ, побьютъ или не заплатятъ, и когда тутъ еще играетъ эта проклятая музыка, такъ я повѣсилась бы съ тоски! Пожалѣлъ бы меня хоть кто-нибудь!

Она хотѣла заплакать, но, взглянувъ на его сухое, стыдливое лицо, которое отъ темноты казалось каменнымъ, слезы превратила въ новыя слова. Потихоньку передвигаясь, они взобрались на горку глины и заглянули въ яму. Яма уже была окружена досками,

углубилась втрое противъ прежняго, а рабочіе ежедневно приходили; копали, и все неизвѣстно было, почему мостовая провалилась. И оттуда несло страннымъ запахомъ.

— Только тамъ, мнѣ кажется, хорошо,—прошептала Лиза.—Если имѣть десять аршинъ земли надъ собою, то ужъ ничего не страшно.

— Вотъ видишь,—произнесъ Моисей, не слушая ея и поглаживая бороду,—они борются съ природой. Люди сами—природа и борются съ природой. Какъ это глупо! Что здѣсь будетъ черезъ тысячу лѣтъ?.. Въ мозгу вѣдь холодно дѣлается, правда?.. А они копаютъ... Дураки!

Раздались веселые звуки музыки, и Лиза задрожала.

— Вотъ, вотъ,—говорила она,—вы слышите?.. А вы говорите — черезъ тысячу лѣтъ... Пожалѣйте меня теперь!

Она такъ дрожала, что, когда повернулась сойти внизъ, то невольно побѣжала.

— Куда ты бѣжишь?—произнесъ равнодушно Моисей, опускаясь за ней.

— Никуда, Моисей, никуда!.. Только вы теперь не уходите отъ меня. Прошу васъ!

Она закружилась, какъ подстрѣленная, и опять повернулась къ нему.

Зайдите ко мнѣ,—попросила она. — Вы ничего не думайте, только зайдите и посидите, хоть одну минуту. Увидите, какъ я живу... А потомъ уйдете. „То" мнѣ вѣдь не нужно и вамъ не нужно... Какъ человѣкъ, зайдите ко мнѣ!

И говорила и робко тянула его за рукавъ, а онъ холодно шелъ за ней и слушалъ, какъ дрожалъ ея голосъ. И всю дорогу, пока они шли по длинному двору, она только и повторяла: „какъ человѣкъ къ человѣку, зайдите ко мнѣ". Когда оба вошли въ комнату, музыка тамъ была еще слышнѣе, и казалось, что играютъ и

танцуютъ за дверьми. Лампочка горѣла, и отъ нея въ комнатѣ запахъ былъ тяжелый и кислый. Она сѣла на кровать и придвинула ему стулъ. И оба сидѣли и слушали веселую музыку.

— Скажите мнѣ что-нибудь доброе, человѣческое,— произнесла вдругъ Лиза послѣ долгаго молчанія.

— Ничего добраго, человѣческаго я не знаю,—отозвался онъ глухо.—Все одинаково.

— Нѣтъ скажите, Моисей, умоляю васъ. Пожалѣйте меня! Только жалость нужна мнѣ!

— Не знаю,—упорно повторялъ онъ,—жалости нѣтъ, любви нѣтъ, злости нѣтъ. Все одинаково.

— Прошу васъ, скажите!.. Выдумайте что-нибудь. Ну, скажите, какъ говорите ночью женѣ своей.

— Ничего я ей ночью не говорю.

— Ну, скажите мнѣ такъ: бѣдная, несчастная дѣвушка моя...

— Бѣдная, несчастная дѣвушка моя,—равнодушно повторилъ онъ...

— Такъ, такъ, еще, еще. Говорите, добрый Моисей! По-человѣчески скажите.

— Бѣдная, несчастная дѣвушка моя...

Она начала плакать.

— Бѣдная, несчастная...

— Говорите, говорите,—шептала она.

И, разогрѣтый своими словами, онъ положилъ руку на ея голову, гладилъ ея волосы и продолжалъ говорить, каждый разъ съ другой интонаціей, удивляясь, какъ ярко и свободно эти слова вырываются теперь изъ его рта.

— Говорите, говорите, дорогой Моисей,—ободряла она его,—никогда я этихъ словъ не слыхала!

И онъ продолжалъ, придумывая каждый разъ новыя хорошія слова жалости, а она все смѣлѣе и громче плакала, какъ будто уже распоряжалась его сердцемъ. Потомъ положила голову на его плечо, а онъ продол-

жалъ говорить ей, и оттого, что раздавались веселые звуки музыки, а на его плечахъ плакала несчастная дѣвушка, стало такъ, что и его деревянные глаза не выдержали и тоже заплакали.

— Человѣка пожалѣть нужно,—иногда слышался ея голосъ.

А онъ тихо вторилъ ей:

— Бѣдная, замученная дѣвушка, бѣдная, замученная дѣвушка!

А въ комнату, будто кто-то стоялъ за окномъ и пѣлъ, вливалось:

Па д'Эспань—это танецъ хорошій
И танцуется очень легко...